

ВЛАСТЬ И КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ НЭПОВСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается транзакционная модель информационно-коммуникативных технологий в системе общественных связей. Данная модель является наиболее адекватной моделью информационно-коммуникативного взаимодействия для системы сложившихся социальных сил и отношений современного общества, поскольку она рассчитана на достижение обоюдного взаимопонимания между субъектами публичного дискурса и их целевой общественности через создание взаимовыгодных отношений путем максимального учета интересов и мотиваций различных сегментов целевой общественности.

О. Yagov

AUTHORITY AND COTTAGE INDUSTRY COOPERATION UNDER THE NEW ECONOMIC POLICY: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

The evolution of views of Russian historians and theorists of the co-operative movement on mutual relations of power structures and cottage industry cooperation during the New Economic Policy realisation is considered in the article. The author notes that during the Soviet historiographic period the co-operative policy of Bolsheviks was estimated positively, as a rule, and only at the turn of the 21st century reconsideration of the settled positions took place in the historical science, which has made it possible to look at the problem in a new way.

Проблема взаимоотношений властных структур и различных видов кооперации, в том числе и кустарно-промысловой, в условиях нэповского эксперимента всегда привлекала внимание теоретиков и практиков кооперативного движения.

Однако в советский историографический период отечественные исследователи не могли освободиться от идеологической заданности многих отправных положений и, как правило, не выходили за

рамки общепринятых тем, включающих: освещение политики коммунистической партии и Советского государства по поддержке кустарно-промысловой кооперации; ход осуществления ленинского кооперативного плана; вовлечение кооперативной сети в социалистическое народное хозяйство¹.

В подавляющем большинстве вышедших из печати работ идеализировался советский период кооперативного строитель-

ства, что закономерно вело к однобокому освещению сложных процессов, происходивших в кооперации.

Первое осмысление опыта взаимоотношений власти и кустарно-промысловой кооперации в условиях советского хозяйственного механизма произошло уже в 1920-е гг.² Следует заметить, что лишь для первой половины 20-х гг. XX в. была характерна альтернативность взглядов на перспективы развития кооперации в условиях социализма. Одни исследователи критически относились к кооперативной политике большевиков³, другие наделяли кооперацию несвойственными для нее функциями, связанными с участием кооперативных систем в классовой борьбе⁴.

Со второй половины 1920-х гг. дискуссии о судьбах кооперации практически прекратились, и в большинстве издаваемых работ кооперация рассматривалась в контексте с так называемым ленинским кооперативным планом⁵.

Самым тяжелым периодом в рамках процесса изучения истории отечественной кооперации стали 1930-е – начало 1950-х гг. Исследования кооперативных проблем с этого момента практически обрываются. Это было связано с тем, что перспектива дальнейшего развития кооперации в сфере обращения оценивалась как несоциалистическая перспектива для всего народного хозяйства страны⁶.

В условиях формирующейся командно-административной системы шло активное огосударствление кустарно-промысловой кооперации. В партийных директивах утверждалось, что в социалистическом обществе ведущую роль играет государственная собственность, поэтому кооперация рассматривалась лишь как часть общественной собственности, что оправдывало процесс огосударствления кооперативной системы через создание промысловых колхозов.

Эта идея пропагандировалась в конъюнктурных работах В. С. Добронравова, А. Н. Сенько и Н. К. Афанасьева⁷.

В 1960–1980-е гг. возобновляется интерес отечественных исследователей к проблеме взаимоотношений власти и кооперации в период реализации нэпа⁸. В эти годы был написан и защищен ряд диссертаций по рассматриваемой проблеме. Однако в большинстве из них, как и прежде, основное внимание обращалось лишь на позитивные аспекты деятельности коммунистической партии по социалистическому преобразованию мелкотоварного уклада экономики страны⁹.

Уже на закате советского строя, который пришелся на конец 1980-х гг. у ученых появилась возможность включать в исследования ранее недоступный фактический материал, рассматривать различные аспекты деятельности кооперированных мелких товаропроизводителей без оглядки на идеологические установки, что, безусловно, повысило объективность и научный уровень публикаций.

В начале 90-х гг. прошлого века произошло переосмысление политики и практики кооперативного движения, в результате чего начала складываться новая историографическая концепция, освобожденная от установившихся десятилетиями догм, и, прежде всего не критического анализа деятельности партии большевиков и Советского государства в кооперативной среде¹⁰.

Ученые на основе новых, ранее закрытых источников, поднимают проблемы внедрения партийных сил в кооперацию, насильственного слома ее социальной структуры, вмешательства государства во внутренние процессы кооперативных систем. Этим вопросам были посвящены работы Л. Е. Файна, Л. Н. Лютова, В. В. Коновалова, П. Г. Назарова и др.¹¹

Историки на этом этапе признали несостоятельным термин «ленинский кооперативный план» и определили, что в период «военного коммунизма» и нэпа господствовали доктринальные представления правящей партии о кооперации, как составляющей в целостном механизме построения социалистического строя.

Достаточно свежо на фоне установившихся за долгие годы в кооперативной проблематике штампов, перекочевывающих из одной работы в другую, выглядели выводы И. А. Козлова. В частности, он отмечал, что «...государственная поддержка кустарно-промышленной кооперации во второй половине 1920-х гг. вела лишь к потере последней своей хозяйственной самостоятельности, а частное предпринимательство в мелкотоварном производстве вынуждено было на всем протяжении нэпа подстраиваться под условия нечестной игры со стороны партийно-фискальных органов»¹².

Среди ученых формируется точка зрения, что государство изначально вело наступление на кооперацию, а последняя лишь оборонялась. Ликвидация независимости кооперативного движения преследовала прежде всего политические цели: «...устранить нежелательных с политической точки зрения руководителей»¹³.

Значительный вклад в разработку теории и практики отечественного кооперативного движения в постсоветский историографический период внес ученый из Иваново Л. Е. Файн. На основе глубокого анализа источников и литературы он пришел к выводу, что 1920-е гг. отнюдь не являлись «золотым» десятилетием советской кооперации. В своих трудах ученый последовательно проводит линию, что нэп не был решительным отказом от «военно-коммунистических» принципов, а те изменения, которые произошли в начале 1920-х гг. в партийно-государственной политике, носили тактический и конъюнктурный характер, что и подтвердил дальнейший ход событий.

В своей первой фундаментальной работе «Отечественная кооперация: исторический опыт» Л. Е. Файн отмечал, что политика РКП (б) в области кооперации с самого начала перехода к нэпу была сориентирована на то, чтобы сохранить в своих руках как можно больше рычагов воздействия на кооперацию, чтобы не дать последней возможность выйти за начер-

танные сверху рамки организации и принципы хозяйствования. Роль кустарно-промышленной кооперации состояла лишь в «объединении мелких разрозненных хозяйств отдельных кустарей в артельные предприятия»¹⁴.

Далее он констатирует, что с середины 1920-х гг. «компартия через насажденные в кооперации кадры <...> стала оказывать на нее воздействие с целью заставить реализовывать утопические и авантюристические проекты построения общества, не совместимые с самой природой кооперации»¹⁵.

К аналогичным выводам, но уже в отношении мелкого производства пришел М. А. Свищев, считая, что государство в начале нэпа пошло на определенные уступки кустарям и ремесленникам, разрешив открывать небольшие промышленные предприятия лишь с целью скорейшего восстановления народного хозяйства страны. По мере восстановления экономики, с середины 1920-х гг. политика, допуская существование мелкого производства, исчерпала себя, и государство начало планомерное наступление на мелких товаропроизводителей¹⁶.

Ульяновский историк Л. Н. Лютов также отмечал, что в годы нэпа государственное регулирование кустарно-промышленной кооперации продолжало осуществляться военно-коммунистическими методами. «Не поощряя развитие кустарно-кооперативной промышленности на частнохозяйственной, рыночной основе <...> пролетарское государство в конце 20-х годов <...> стремится к интегрированию ее в централизованно-плановую систему»¹⁷.

В унисон предыдущим звучит характеристика положения кустарно-промышленной кооперации в выступлениях на научных форумах начала 1990-х гг. сибирского исследователя В. В. Коновалова. «Сторонники форсированного насаждения социализма, — отмечал он, — старались тащить кустарей в административно сколачиваемые артели, работавшие по обязательным

наряду с госорганами. Промысловая кооперация утратила признаки самостоятельной хозяйственной организации и использовалась как производственный аппарат, целиком контролируемый государством»¹⁸. Данное положение исследователь развил и в последующих работах¹⁹.

Пересматривает свои взгляды на взаимоотношения советской власти и кооперации В. В. Кабанов. По поводу перспектив кооперативного движения после установления советского строя он пишет: «...отныне судьба кооперации зависела не только и не столько от самих кооператоров, сколько от того, какое место в жизни отведет новая власть кооперации». Также он отмечает, что если бы лидеры кооперативного движения «...знали о ленинских замыслах, то, возможно, ужаснулись бы»²⁰.

А. В. Воронин, анализируя в своем диссертационном исследовании социальные аспекты в деятельности кооперации, отмечал, что препятствия со стороны представителей кустарно-промысловых кооперативных органов вхождению в руководящий состав коммунистов, привели к запрещению со стороны партийных структур регистрации промысловых союзов²¹.

Оценивая представленные выводы, следует подчеркнуть, что в течение небольшого хронологического периода истории сумели сформулировать новые принципиальные подходы к проблеме взаимоотношений власти и кооперации в годы нэпа. Объединяющим моментом указанных точек зрения было стремление избавиться от господствовавших в советской историографии догматов о бескризисном и самостоятельном развитии кооперации в 1920-е гг.

Начало нынешнего столетия ознаменовалось появлением целого ряда работ, в той или иной степени затрагивающих проблему властного регулирования кустарно-промысловой сферы в условиях нэповского эксперимента. В 2001 г. вышла из печати монография А. Н. Дегтярева «Кустарно-промысловая кооперация и услуги как объект государственного регулирования

(на примере Башкирии в 1917–1940 гг.)», в которой на основе исторической ретроспективы были исследованы проблемы хозяйственного становления кустарно-промысловой кооперации с точки зрения ее государственного регулирования в рамках товарно-денежного обращения в постреволюционной Башкирии. Автор проследил процесс трансформации от кустарей-одиночек к артельным товариществам, кустарно-промысловой кооперации и далее, при этом заметив, что изменения в процессе производства происходили при жестком государственном контроле²².

Выделяющейся среди других исследований стала монография С. Ф. Гребениченко «Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы». Ее автор на основе изучения и анализа более 1200 нормативных актов пришел к выводу, что власти тщательно отслеживали ситуацию в кустарно-промысловой сфере и четко на нее реагировали изданием различных директив и законов²³.

Значительный вклад в изучение взаимоотношений власти и кустарно-промысловой кооперации в годы нэпа внес В. Г. Егоров, который считает, что кооперативная политика Советской власти в основном ориентировалась на «государственно-капиталистическую» составляющую содержания кооперации, практически так и не определив ее места и роли в качестве самостоятельного уклада. А кустарное товарное производство было регенерировано лишь в узких пределах, не позволяющих аккумулировать тенденцию к его концентрации на базе кооперации²⁴. В конечном итоге исследователь определил взаимоотношения Советской власти и кооперации как несостоявшийся альянс.

Заслуживает внимания и монография И. А. Чуканова «Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья)», в которой отдельный раздел посвящен кооперативной политике большевиков в Среднем Поволжье. Ее автор приходит к выводу, что к началу нэпа кооперативная политика правящей

партии потерпела полный крах. В частности, он отмечает, что «государственные органы провели в отношении кооперации ряд чисто административных, «антирыночных» преобразований, с целью прочной привязки кооперации к создаваемой административно-командной системе, в результате чего кооперативы к концу 1920 г. в основном утратили свой рыночный характер»²⁵.

Другой поволжский исследователь Р. Н. Парамонова также резюмировала, что «к концу 1920-х гг. кооперативная система Среднего Поволжья имела богатый опыт хозяйствования и широкие перспективы. Однако <...> все попытки кооперации стать самостоятельной силой, восстановить принципы общественного движения потерпели провал»²⁶.

Ю. И. Сливка, изучив опыт кооперативного строительства в Нижнем Поволжье, пришла к заключению, что промысловая кооперация, являясь в годы нэпа основным производителем товаров народного потребления, по сути, оказалась «падчерицей» у Советской власти²⁷.

Свою оценку взаимоотношениям властных структур и кооперации в условиях реализации нэпа дал Е. Г. Гимпельсон. В частности, он отметил, что кооперация, лишь к середине нэповского эксперимента освободившаяся от «военно-коммунистических» методов регулирования и оживившая свою деятельность на основе рыночных начал, во второй половине 1920-х гг. вновь оказалась под жестким государственным и партийным контролем. Партийные организации вмешивались в работу кооперативов, вместо выборов наблюдалось «сплошное назначенчество» коммунистов²⁸. В конечном итоге Е. Г. Гимпельсон резюмировал: «по существу, от кооперативных принципов к концу десятилетия мало что осталось. Приближался конец этих общественно-экономических объединений. Они были подчинены государству»²⁹.

Наиболее глубокую оценку взаимоотношениям власти и кооперации в условиях реализации нэпа дал, на наш взгляд, Л. Е. Файн в своей последней монографии³⁰. В частности, он пишет: «Уже с первых месяцев перехода к нэпу, предоставляя кооперации некоторые послабления в хозяйственной деятельности, большевистское руководство предпринимало все возможные, допустимые и недопустимые, меры, чтобы поставить ее под жесточайший партийно-государственный контроль»³¹. По его данным, уже в 1925 г. удельный вес коммунистов в правлениях 22 союзов промкооперации достиг почти 60% и эти цифры свидетельствуют о массивном «внедрении» партийных сил в кооперативную систему.

По мнению Л. Е. Файна, нэповский «эксперимент» не только не обеспечил возрождение кооперации и занятие ею соответствующего ее социально-экономической природе места в жизни общества, но и закрыл путь для новой попытки ее возрождения на многие десятилетия.

Таким образом, как показывает историографический обзор, проблема взаимоотношений власти и кустарно-промысловой кооперации в годы нэпа на протяжении многих десятилетий привлекала пристальное внимание ученых. Советские исследователи внесли значительный вклад в ее изучение, но главным недостатком их работ являлось однобокое освещение кооперативной политики большевиков.

Выход исторической науки из под идеологического контроля в конце 1980-х гг. позволил сформулировать новые подходы к изучению проблемы, и большинство современных ученых пришли к выводу, что советское государство использовало кооперацию для решения своих экономических и политических задач. К началу 1930-х гг. кооперативные принципы были попораны, а кооперация стала лишь частью государственного планово-распределительного аппарата.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Файн Л. Е.* История разработки В. И. Лениным кооперативного плана. — М., 1970.
- ² См.: *Кантор М.* Основы кооперативной политики РКП (б). — М.; Л., 1926; *Севрук П.* Кооперация и строительство социализма. — М.; Л., 1927.
- ³ *Малахов А.* Русская кооперация и коммунисты. — Прага, 1921; *Туган-Барановский М. И.* О кооперативном идеале. — М., 1918. — С. 6.
- ⁴ *Мещераков Н. Л.* Современная кооперация. — М.; П., 1923.
- ⁵ *Балтин А.* Ленин и кооперация. — М., 1925; *Лозовой А.* Ленин и кооперация. — М., 1925.
- ⁶ См.: Теоретические проблемы современной советской кооперации. — М., 1930. — С. 34.
- ⁷ См.: *Доброурагов В. С.* Оргстроительство низовых промкооперативов. — М., 1932; *Сенько А. Н., Афанасьев Н. К.* Местная промышленность и промысловая кооперация в третьей пятилетке. — М.; Л., 1939.
- ⁸ *Булатов И. Г.* Борьба коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР (1921–1925 гг.). — Пенза, 1961; *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности. — М., 1969; *Чернышев М. А.* Начало социалистического преобразования кустарно-ремесленной промышленности Сибири. 1920–1927 гг. // Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. — Новосибирск, 1975; *Харчевникова Н. К.* Сибирская промысловая кооперация. 1920–1929 гг. // Из истории Сибири. — Вып. 18. — Томск, 1975.
- ⁹ *Чумак А. Ф.* Исторический опыт КПСС по социалистическому преобразованию мелкой промышленности. 1921–1932 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. — Кривой Рог, 1971; *Маркелова А. Н.* Деятельность Коммунистической партии по социалистическому преобразованию кустарной промышленности (1926–1932 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1974; *Коновалов В. В.* Партийное руководство подготовки условий массового социалистического преобразования кустарно-ремесленной промышленности Сибири. 1926–1929 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1977.
- ¹⁰ См.: *Файн Л. Е.* Формирование новой историографической концепции кооперации в начале 90-х годов XX века // Вестник Ивановского университета. — 2000. — Вып. 2. — С. 34–46.
- ¹¹ *Файн Л. Е.* Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е гг.) // Вопросы истории. — 1994. — № 9. — С. 35–47; *Люттов Л. Н.* Кооперирование как средство огосударствления кустарной промышленности // Проблемы истории, теории и практики кооперативного движения в России. — Тюмень, 1992. — С. 62–63; *Коновалов В. В.* О роли доктринального фактора в политике большевиков по отношению к мелким промышленным производителям в период военного коммунизма // История Советской России: Новые идеи, суждения. — Тюмень, 1991. — С. 69–71; *Назаров П. Г.* История создания Всесоюзной промкооперации. 1925–1932. — Челябинск, 1993. — Ч. 3.; *Он же.* История создания Советской промкооперации. 1920–1923. — Челябинск, 1993. — Ч. 2.
- ¹² *Козлов И. А.* Революция, нэп и судьбы мелкого производства // Историческое значение нэпа: Сб. науч. трудов. — М., 1990. — С. 80, 82.
- ¹³ *Веселов С. В.* Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» // Вопросы истории. — 1991. — № 9–10. — С. 25–37.
- ¹⁴ См.: *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. — Иваново, 1994. — С. 179–180.
- ¹⁵ Там же. С. 220.
- ¹⁶ *Свищев М. А.* Мелкое производство в 20-е годы // Нэп: приобретения и потери. — М., 1994. — С. 175.
- ¹⁷ *Люттов Л. Н.* Указ. соч. — С. 62–63.
- ¹⁸ *Коновалов В. В.* О роли доктринального фактора в политике большевиков по отношению к мелким промышленным производителям в период военного коммунизма... — С. 69–71.
- ¹⁹ *Коновалов В. В.* Вопрос о кустарной промышленности на XII съезде РКП (б): штрихи к концепции «преодоления нэпа» // Вестник Тюменского государственного университета. История. — Вып. 1. — Тюмень, 1996. — С. 63–70; *Он же.* Большевики и промысловая кооперация: к вопросу о коммунистическом наступлении на «кооперативном фронте» в первые годы НЭПа (1921–1923) // Вестник Тюменского университета. — 1998. — № 1. — С. 83–90.
- ²⁰ *Кабанов В. В.* Кооперация. Революция. Социализм. — М., 1996. — С. 76.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

²¹ *Воронин А. В.* Кооперативная политика Советской власти на Европейском Севере: центр и местные власти (1917 – начало 30-х гг.): Дисс. ... докт. ист. наук. – Мурманск, 1997.

²² См.: *Дегтярев А. Н.* Кустарно-промысловая кооперация и услуги как объект государственного регулирования (на примере Башкирии в 1917–1940 гг.). – М., 2001.

²³ См.: *Гребениченко С. Ф.* Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы. – М., 2000.

²⁴ См.: *Егоров В. Г.* Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). – Казань, 2005. – С. 187, 195.

²⁵ *Чуканов И. А.* Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья). – М., 2001. – С. 235.

²⁶ *Парамонова Р. Н.* Развитие системы кооперации Среднего Поволжья в условиях новой экономической политики (1921–1928 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Самара, 2001. – С. 195.

²⁷ *Сливка Ю. И.* Развитие кооперации в Нижнем Поволжье в 1921–1941 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2004. – С. 115.

²⁸ См.: *Гимпельсон Е. Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). – М., 2004. – С. 233.

²⁹ Там же. – С. 236.

³⁰ *Файн Л. Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк (1861–1930). – Иваново, 2002.

³¹ Там же. – С. 448–449.